

Ю.В.Яковлев
(ЧГИГН, Шубашкар)

**И.Н.ЮРКИН И ЦЕЛОСТНОСТЬ
НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ:
РЕФЛЕКСИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ЧУВАШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

«Подлинная жизнь, — считал испанский философ, поэт и новеллист Мигель де Унамуно, — руководствуется не голосом рассудка, а чувством; подлинная мысль — это мысль-страсть, не столько идея, сколько жизненный порыв»¹.

В истории познания чувашского мира И.Н.Юркин (1863—1943) является носителем мысли-страсти, идеи-порыва. (Это начало в характере Юркина удачно схвачено в его портрете, исполненном М.С.Спиридоновым на Всечувашском съезде краеведов в 1928 году.)

«Местоположение в Оборино завидное, — пишет И.Н.Юркин В.К.Магницкому в 1894 году. — Природа в полном цвете, но, оказывается, мне не это надо, а чуваша да исторические материалы, тогда я буду довольствоваться»².

Чуваши, их историческое прошлое в картине сознания Юркина занимали главенствующее положение и, похоже, заменяли Бога. Любовь к своему народу пронизывала все его человеческое существо, была принципом познания. Позволяла бесконечное разнообразие проявлений чувашского начала связывать в единое целое. В лучах любви ему открывалось то, что для других было плотно закрыто. И.Н.Юркин понимал источник своей силы: самосознание освобождало его от комплексов неполноценности, которыми, как известно, в конце XIX — начале XX вв. были богаты образованные чуваша (да

и сознание необразованных чувашей, так или иначе включенных в русскую орбиту, было отягощено чувством собственной ущербности, второсортности).

Из дневника А.В.Жиркевича: «Спрашиваю Юркина, какое он получил образование? — «Никакого!» — с гордостью отвечает он мне. Ему за 60 лет» (5 марта 1924 г.)³.

«И.Я.Яковлев не может без негодования слышать имени этого человека: в сущности, в недостаточности образования он не виноват. Он все же вносил то, что мог, в историю своего народа. С одной стороны, в нем как бы сознание ничтожности своих писательско-научных заслуг, с другой — как бы самомнение. Двух слов по-русски слепить не умеет достаточно грамотно, а писал и даже печатал статьи» (4 июня 1921 г.)⁴.

К числу того, что И.Н.Юркин внес действительно ценного в чувашскую культуру, относится и статья «Откуда берет начало чувашская письменность?» («Аҫтан пулса кайнӑ чӑваш ҫыравӑ?», 1894):

«Пирӗн чӑвашӑн авал кӗнеке таврашӗ пулнӑ пулсан, кӗнекине ҫыраканӗсем те пулма тивӗслӗ. Вӗсем ҫырава аҫтан, камран вӗреннӗ-ши? — тесс ыйтакансене каласа парам.

Чӑвашсене ҫырава вӗрентекенни тахҫанхи авалхи саманасенче шыв пулнӑ. Вӑл чи малтан тип-тикӗс ҫӗртен, ҫӗрем ҫинчен, юкса выртса, йӗр тунӑ. Кайран ӑна, нумайтарах юкса выртсан, тарӑнлатсан, ҫырма тунӑ. Унӑн хӗррисене ҫынсем «ҫыр», «ҫыран» тенӗ (ҫак сӑмахсем: ҫыр, ҫырма, ҫыран чӑваш ҫыруне кӗнӗ). Мӗншӗн тесен ӑна юхам шывӗ ҫырса кайнӑ. Ҫак сӑмахранах кайран шыв ҫурса кайнӑ теме пусланӑ. Ҫырма таврашне курсан, чӑвашсем ӑна кам тунине пӗлнӗ. Юхам шывне курмах чӑвашсем хӑйсем те ҫапла тытӑннӑ ҫыру паллисем тума. Шыв юхнӑ чухне, вӗслӗ япалапа чышса йӗр тунӑ пек, ҫӗре чакаласа пынӑ. Хӑйпӑннӑ ҫӗре — хура тӑпра-и, хӑйӑр-и, тӑм-и тата ытти япала-и? — вӗсене аялалла юхтарса кайнӑ. Тип-тикӗс ҫӗрте ҫырма пулса тӑнӑ. Ҫавна пӗле тӑруҫан чӑвашсем чи малтанхи сасӑ паллине, савӑл пск, вӗслӗ япала кӗлетки тунӑ. Ӑна ят панӑ, савӑл пекрен, «С» тенӗ. Тепӗр сасӑ паллине юплӗ тунӑ, ӑна «Ю» тенӗ. Тата ыттисене те мӗн евӗрлӗ тунӑ, ҫав ятсене парса пӗтернӗ. Ав ҫав паллӑсемпе ҫырнӑ, вуланӑ (ӑна вара «сын ҫырнӑ» тенӗ)»⁵.

(Если у наших чувашей в прежние времена была письменность, то должны быть и писцы. Откуда и у кого они

учились грамоте? — об этом я и поведаю. Учителем грамоты чувашей в глубокой древности была вода. Она вначале делала след, протекая по совершенно гладкой поверхности по равнине. Спустя время этот след углублялся и получался овраг. Его края люди называли «сыр», «сыран» (обрыв, берег). Эти слова «сыр, сырма, сыран» (обрыв, овраг, берег) вошли в чувашскую письменность. Потому что их «начертил» поток воды. От этих же слов происходит и «шыв сурса кайнă» (вода размывала). При виде овражистых мест чуваша знали, кто их «автор». Они, беря в пример с потока воды, сами также начали создавать знаки письма. Течение воды, подобно тому, как острым предметом делаешь след, подмывало землю. Отделившуюся часть земли — чернозем ли, песок ли, глина ли или другое что? — уносило вниз. На совершенно ровном месте получался овраг. Зная это, чуваша самую первую букву, клиновидную, сделали как фигурку с заковычкой. Ее, оттого что клиновидна, называли «С», другую букву сделали с ответвлением, ее называли «Ю». Другие также как делали, так и называли. Этими знаками писали, читали (и это называли «человек написал»).

Нина Борисовна Мечковская в книге «Язык и религия» отмечает, что «мифологическое сознание соединяет узами родства речь и реку (течение воды)», «связь речи с рекой представляет собой древнейший архетипический образ, отраженный в некоторых мифологических традициях и языках», «в обычной речи образность сочетаний вроде течения речи едва ощутима, но тем очевиднее, что сближение речи и реки существовало в далеком прошлом человеческого сознания»⁶.

Л и т е р а т у р а

¹ Цит. по: История западноевропейского театра. Т. 8. М.: Искусство, 1988.

² Отдел рукописей научной библиотеки Казанского университета им.Н.И.Лобачевского, инв. № 2307.

³ ЛИК Чувашии, 1996. № 5—6. С.151.

⁴ Там же. № 3—4. С.124.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. 1. Т. 67.

⁶ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Агентство «ФАИР», 1998. С.55—56.